

— Мой дом разрушен, пора уходить...О,нет...Я не хочу покидать тебя...Мне так больно...Слишком больно...

Старый тихо поет, глядя на морозное небо. Это была не просто песня, а песня для мертвых. К звукам его голоса примешивается ветерок, тихо шевелящий деревья и траву, словно шепча забыть о вчерашнем кошмаре.

Я протянул руку, закрывая глаза тем, кто больше не проснется. Руки все еще были в крови и дрожали, как и наши сердца.

Двадцать один охранник погиб. Они отдали жизни, выполняя миссию, которую никто не требовал выполнять. Чтобы мирные жители могли жить.

Из горожан пострадали трое, остальные отделались лишь испугом.

Вокруг то и дело слышен сдавленный вой. Это жены, дети, родители оплакивали своих близких. Горечь и гнев пробирают до костей, но ненависть вымещать не на ком.

Пошатываясь, одеревеневшей рукой набрасываю на последний труп ткань, а за спиной раздается голос Юн Пала.

— Братан, иди отдохни, хорошо?

Его лицо мокро от слез, ведь пришлось прощаться с теми, с кем только недавно смеялся. Парень пытается убедить меня идти в палатку, но я отказался, качая головой.

Я весь в вонючих от спирта бинтах. Тело ломит от боли, но на обезболивающих она не такая сильная. Молча поворачиваю голову к Старому, а тот отвечает, словно понимая, что я хочу спросить.

— Мы возьмем как можно меньше вещей, а остальное сожжем вместе с телами солдат. Люди Дэ Бака уже над этим работают, и костры отвлекут солдат. Все готовы идти, ждут только приказа.

Прошлой ночью группа солдат ворвалась в лагерь, но нам удалось их уничтожить. Однако, рано или поздно о нашем присутствии в лесу узнают, и то время, которого и так мало, уже истекает. Поэтому я решил как можно скорее покинуть это место и найти другое пристанище для лагеря.

— Как думаешь, много у нас времени? — спросил Старого.

Солдаты — это не наш отряд и не бродяги. Мы, конечно, можем использовать дым и огонь, как

отвлечение, но этого недостаточно, чтобы одурачить опытную армию с боевым потенциалом.

Я сразу отменил мысль сражаться с ними. Нам нужно получше спрятаться, помочь раненым, а затем так же тихо свалить из отцепления.

Старый помолчал немного, думая, а затем ответил.

— Сегодняшняя ночь — это максимум. Если они не совсем тупые, то до утра мы можем не дожить.

Значит, у нас в запасе всего полдня. Я решил распланировать эту миссию, используя сегодняшнюю ночь, как максимальный предел, на который можно рассчитывать.

Затем, пошатываясь, поковылял на подмогу Юн Палу, бросив старику.

— Тогда соберите все трупы.

Какие же мы глупцы, однако никто не собирался игнорировать приказ. Даже старик, который был просто образцом рациональности, сказал твердо.

— Хорошо. Раз мы пришли сюда все вместе, то и уйдем отсюда все вместе.

Ветер усиливается. Он такой же холодный и горький, как тот рассвет, который мы видели ранее. Старый молча обменялся со мной взглядом и ушел, а отряд, который молча наблюдал за нами, разбегается на четыре стороны и созывает людей. Наступило время идти, а вместе с этим на время приглушить скорбь.

Жители плачут, перекладывая тела родных в маленькую рикшу. Рядом с ними сажают стонущих от боли раненых. Все разбиты вчерашним нападением, но снова собрались, просто чтобы продолжать жить.

Юн Пал, поддерживающий меня справа, вдруг шмыгает носом, а я поворачиваю голову и говорю.

— Я в порядке. Юн Пал, помоги людям, и уходите.

— А ты? — спрашивает с беспокойством парень, но я улыбаюсь и ободряюще похлопываю его по голове, но даже этот привычный жест кажется каким-то чуждым.

Юн Пал печально опускает голову, а я подталкиваю его вперед со словами:

— Иди, я обязательно догоню.

Мне нужно сделать еще одно дело, прежде чем я уйду. Он колеблется мгновение, как будто понимает, что у меня есть причина, и в конце концов убегает в сторону шеренги. В последний раз улыбаюсь, глядя, как он оглядывается, и начинаю надевать снаряжение, которое оставил на земле.

Пулевые раны ноют при каждом движении, и я чувствую давление тугих повязок. Стараюсь не обращать внимание на боль, поднимая оружие.

Пока пристегиваю снаряжение, смотрю вперед, где сформировавшаяся колонна людей медленно движется за Старым. Я иду в противоположном направлении, приближаясь к лагерю и достаю из кармана латунную зажигалку Zippo, в которой отражается мое лицо.

С легким щелчком кончик зажигалки вспыхивает, и я вижу то, что мы должны были сжечь. Запах бензина щиплет ноздри. Этот запах подсказал мне, что старик уже сделал всю работу, и мне осталось только бросить зажигалку.

В этот момент черный дым начал подниматься одновременно со всех сторон. Не раздумывая, я бросил зажигалку, зная, что это начало запланированного Дэ Баком отвлекающего маневра.

Костер вспыхивает ярким ревущим пламенем. Поворачиваюсь на пятках, глядя на уже маленькую группу людей. Они кажутся такими далекими, словно пропасть между Адом и реальностью.

В этот момент тучи на пасмурном небе заслонили солнечный свет, освещавший это место, и над лесом воцарилась непроглядная тьма.

Мое сердце постепенно затихает. Голова пульсирует, уголки глаз щиплет. В ушах опять звенит. Внезапно пространство, в котором я нахожусь, меняется на противоположное, и передо мной возникает другой пейзаж.

Мир горит, а рация в переднем кармане куртки издает громкий треск и раздается голос, который я не могу вычеркнуть из своей памяти.

[Не жалеешь?]

Поднимаю глаза, и на меня смотрит Ли Хе Ин с перерезанным горлом. Девушка, которая покончила с собой. Но, как ни странно, я не чувствую боли. Это лицо я не видел уже очень давно, и мне неприятно видеть его снова.

Понимаю, что это лишь галлюцинации от усталости, но я сам всегда задавал себе этот вопрос.

— Нет, — сказал твердо, на одеревеневших ногах проходя мимо девушки, чтобы догнать ребят вдалеке.

Едкий запах горящих тел и снаряжения щиплет ноздри, а ветер гонит черный дым мне прямо в лицо. Но галлюцинации еще не закончились. Раздается треск рации, и из темноты появляется Чхве Тэ Сик, все его тело в ожогах.

[Корчишь из себя праведника, а на самом деле такая же мразь, как и я! Квак Дон Юн, идиот, погляди, сколько трупов и крови ты оставил!]

Идти сложно, словно под ногами скользкая грязь, а я постоянно вытираю руки об одежду, но кровь не хочет смываться. На плечи давит ощущение того, что я настолько перешел черту, что уже не смогу быть таким, как раньше. Но даже эти чувства привычны.

Вокруг никого, а значит можно плакать. По щекам бегут горячие дорожки, смывая печаль и боль.

[Сдайся! Прекрати уже борьбу, сукин сын!]

Чхве Тэ Сик яростно машет веткой, но я прохожу мимо. Звон в ушах заглушает его крики, а зрение от слез совсем заволочло туманом.

Я продолжаю идти, а позади в горящем лесу исчезают призраки прошлого, желающие мне смерти.

Ветер треплет деревья, а я бреду ему навстречу.

Еще не время останавливаться.

Наш временный лагерь был разбит после двухчасового похода на самом краю леса. Поблизости не было ни дорог, ни деревень, ни тварей. Хотя пасмурно и темно, не было солнечного света, это идеальное место, чтобы спрятаться от врага. Мы побудем здесь некоторое время, соберем раненых и будем ждать захода солнца. Я поблагодарил Ким Чхоля, менявшего мне повязки, и повернулся к стоящим передо мной бойцам.

— Сколько у нас осталось огневых средств?

Путь к границе и вчерашнее сражение израсходовали немало наших припасов. Никогда не знаешь, что произойдет дальше, поэтому огнестрельное оружие — одно из первых, о чем надо думать.

Нехватка боеприпасов по факту обрекает нас на смерть, поэтому я и спросил, стараясь сдерживать горечь в голосе. Очкарик, сидевший рядом, протянул мне бумагу и ответил.

— Мы израсходовали почти все, что у нас было, но у солдат при себе оказалось много патронов...Однако, по два магазина на человека — это все, чем можно сейчас обеспечить.

По палатке пронесся ропот отчаяния. И я тоже вздохнул, глядя на бумаги. Оставалось взобраться на последнюю гору, и ситуация становилась все хуже и хуже. Никакого прорыва не предвидится. Все, что я вижу — это смутное, туманное будущее, а мы уже достигли своего предела.

— Неужели нет никакого выхода? — спросил я, беспомощно протягивая документ обратно.

Кордон оказался неожиданно сильно охраняемым. У нас мало средств, чтобы сопротивляться, но много людей. Большинство из собравшихся в палатке пребывали в таком же смутном состоянии, как и я, и склонили головы в ответ на вопрос, стараясь держать свои мысли при себе. Но в этот момент Старый ответил хриплым голосом.

— Значит, надо дать им то, что они хотят.

— Что? — ошарашенно переспросил Юн Пал.

Это короткое предложение, и понять его смысл было невозможно. Мы все перевели взгляд на старика и замолчали, чтобы услышать продолжение.

Тот открыл глаза и медленно потёр испещрённое глубокими морщинами лицо. Старый нес такую же тяжелую ношу, как и я, и выглядел немного уставшим.

— Мы для солдат всего лишь "вооруженные шпионы", но, судя по всему, их начальство знает о том, кто мы такие. Если нельзя рассчитывать на их совесть, так давайте просто дадим им то, что они хотят.

Старый имел в виду, что мы должны стать для них врагами. Люди были в недоумении, но я почувствовал, как напряглось все тело, когда я понял, что именно хотел сказать старик.

Жар от пальцев ног достиг головы. Отчаяние, которое шептало мне, что я должен сдаться, исчезло в одно мгновение, и, перекрикивая шум толпы, Старый спокойно поднял голову и произнес.

— Соберем все огнестрельное оружие, сформируем отряды и первыми нападём на границу. Как только мы вступим в бой, внимание, естественно, будет привлечено к нам, и последний оставшийся контрабандный путь станет свободным. И если мы сможем это сделать.....

Слова старика оборвались, когда он начал поворачиваться к остальным. Его взгляд был твёрд, как камень, и, переходя от человека к человеку, он остановился на мне.

— ...то люди покинут Зону, — закончил я.

Ветер трепал палатку.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4876404>